

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ФОРМ ОБОЗНАЧЕНИЯ СУБЪЕКТА-ПОСЕССОРА И ЕЕ АКТУАЛИЗАЦИЯ В ЛЕТОПИСНОМ НАРРАТИВЕ

Наталья В. Логунова

Соликамский педагогический институт, Россия

Synonymous possessive statements with different predicates are examined on the basis of Novgorodskaya chronicle. The specific features of the grammatical meaning of modes of possessor's expression are investigated in sentences with the verb «быти». It has been revealed, that the choice of the linguistic mode of the subject of a possessive situation depends on a chronicler's intentions.

Универсальные смыслы, представленные семантическими категориями, такими, например, как посессивность, могут быть выражены по-разному. Изучение способов представления одного и того же смысла в разных языках выявляет межъязыковые сходства и различия (так языки мира были разделены по господствующему способу выражения посессивности на «*быть-языки*» и «*иметь-языки*»). Исследование же синонимичных высказываний, передающих одинаковый смысл в одном языке, позволяет установить разное языковое содержание конструкций и определить их интенциональные функции: почему говорящий (пишущий) употребляет именно эту форму? что он хочет выразить?

И тот, и другой подходы воссоздают «типизированные речевые представления» говорящих, складывающиеся в языковые картины мира. При этом диахронические исследования обнаруживают изменения в формах выражения определенного мыслительного содержания и помогают осмыслить перемены, происходящие в способах категоризации внеязыковой действительности у того или иного этноса.

Объектом нашего анализа является семантическая категория посессивности, которая исследуется нами с позиций функциональной грамматики на материале древнерусских текстов. Основная проблема заключается в выявлении семантического и функционального соотношения двух типов специализированных посессивных конструкций (например, *У меня есть дом* и *Я имею дом*) и в определении типологического статуса древнерусского языка – как «языка-*быть*» или как «языка-*иметь*». По мнению некоторых ученых, древнерусский язык был языком «смешанного типа», поскольку

конструкции с глаголом *имути* были в нем более употребительны, чем в современном русском (Арутюнова 1998: 790; Гак 1977: 246; Чинчлей 1990: 13).

Мы изучили семантико-синтаксические модификации модели с глаголом *имути* в 106 древнерусских текстах разных жанрово-тематических групп и сделали ряд наблюдений, которые расширяют наши представления об употреблении *имути*-конструкций в древнерусском языке (Логунова 2002а; 2002в).

В частности, по нашему мнению, сочетания с глаголом *имути* были показателем книжного языкового регистра, войдя в русский язык как кальки греческих оборотов. Наличие их в древнерусском произведении свидетельствует об ориентации его автора на византийско-церковнославянские образцы. Тексты же, в той или иной мере отражающие древнерусскую народно-разговорную речь, отличаются единичными употреблениями этого глагола или вовсе не содержат его. Особенно отчетливо это обнаружилось в Новгородской I летописи младшего извода (далее Нl.м.изв.): как показал наш анализ, конструкции с глаголом *имути* практически не употребляются в оригинальных частях, а воспроизводятся в составе Начального киевского летописного свода, включенного в Нl.м.изв. (Логунова 2004).

Специфика функционирования *имути*-конструкций в Нl.м.изв. побудила нас обратиться к другим типам древнерусских посессивных высказываний в этом тексте. Если употребление *имути*-конструкций в оригинальных частях этой летописи минимально, то какими же языковыми средствами переданы в ней посессивные отношения?

Прежде чем перейти к описанию летописного материала, уточним исходные основания анализа. Опираясь на исследования категории посессивности в современном русском и других индоевропейских языках, мы примыкаем к широкому толкованию отношений обладания как *социо-био-культурной сферы субъекта* (ТФГ 1996; Чинчлей 1990). Такое понимание посессивности «объясняется генезисом языкового и человеческого менталитета: осознание человеком себя, своего тела и его частей, а также ближайших к нему объектов внешнего мира как «своих», затем – «присвоение» им более удаленных конкретных и абстрактных сущностей...» (Категория посессивности 1989: 45). Исходя из этого, мы подвергли анализу специализированные посессивные конструкции, в которых X (посессор) – одушевленный субъект, а Y (объект обладания) представлен именами разной семантики: предметными (включая и обозначения животных как предмета собственности: *домъ, шатерь, скоть* и под.); личными

(сынъ, воевода и т.п.); именами ситуаций (*побоище, рать, мятежь*, включая и обозначения событий с точки зрения их положительной или отрицательной роли в жизни субъекта: *радость, туга, печаль* и под.); именами, называющими различные сущности внутреннего мира субъекта (этического, эмоционального или интеллектуального планов: *любовь, ненависть, мысль, дума* и под.); именами физических качеств и свойств или физических состояний. Предикаты посессивного отношения – глаголы *имути, владути, обладаи, быти*.

В Н1л.м.изв. мы выявили 142 посессивных высказывания. В их составе 22 – с *имути* и 120 с другими предикатами: 4 с глаголом *обладаи*, 8 с глаголами *владути / володути*, 108 (77%) – с глаголом *быти* и разными формами выражения субъекта и объекта посессивных отношений, например: *Князя поищемъ, иже бы владуль нами и рядиль ны по праву* (л.29 об.); *И покори богъ Адаму скоты и звури и птиця; обладаше ими всуми* (л.50); *Словуне свою волость имули, а Кривици свою, а Мере свою* (л.29); *заложи церковь камену..., и бысть крестияномъ прибужище* (л.121 об.) и под.

Классификация высказываний по типу объекта обладания (У) выявила следующие разновидности: 1,4% с именами, обозначающими физическое состояние субъекта: *Бу болезнь крестяном тяжка* (л.246 об.); 9,2% с предметными именами в позиции У: *и володуше землею* (л.69); 12,7% с именами физических свойств: *Бу же Ростиславъ... възрастомъ лупь и красенъ лицемъ* (л.86 об.); 14,7% с именами, обозначающими внутренние свойства, состояния, убеждения и под.: *имуите в себу любовь* (л.83); *Аще и грубъ есмь умою* (л.161 об.). Обнаружилось преобладание двух разновидностей – с именами лиц (22%) и с именами ситуаций (40%) в позиции У (что обусловлено, на наш взгляд, прагматическими установками летописного нарратива – повествование о людях и событиях.): *И не бу у них цесаря, и архиеруи обладаху ими до Ирода* (л.57 об.); *[Ольга] бу бо имуци прозвутера втаину* (л.38 об.) и под.; *Того же лута бысть мятежь в Татарех* (л.189); *И бысть тои осени Ляхом и Литву 3 побоища с Нумци* (л.244) и под.

Обратимся к анализу этой самой употребляемой в Н1л.м.изв. разновидности высказываний. С точки зрения формы языкового выражения они особенно разнообразны в исследуемой летописи: в них субъект (Х) «представлен как «посессор» событий, участником которых он является» (ТФГ 1996: 111). Исходя из теории функционально-семантического поля, мы рассматриваем эти высказывания как синонимичные конструкции, выражающие один смысл, но различающиеся **интерпретационным компонентом**. По

мнению А.В. Бондарко, интерпретационный компонент – это «тот элемент (аспект) выраженного языковыми средствами семантического содержания, который составляет специфику именно данной формы, данного комплекса языковых средств, данного высказывания, в отличие от того же (или сходного) смысла, передаваемого иными средствами в синонимичных высказываниях или средствами других языков» (Бондарко 1996в: 6-7). Наша задача – не только выявить и описать интерпретационный компонент, но и попытаться охарактеризовать интенциональность каждой семантико-синтаксической модификации посессивной предикативной конструкции в исследуемом тексте.

Смысловая основа – **приписывание ситуации ее участнику (участникам) как посессору (посессорам)** – передается в Нл.м.изв. следующими разновидностями посессивных высказываний:

1) предложениями субъектно-предикатного типа с глаголом *имути* (3 конструкции): *...мертвици бо срама не имут; аще ли побужнемъ, то срамъ имамъ* (л.40); *Святополкъ же посла къ Борису, глаголя, яко ... с тобою хоушу любовь имути* (л.75 об.). (В последнем предложении *любовь* обозначает не внутреннее состояние субъекта, а ситуацию мира и согласия, поскольку выступает как отглагольное имя с двумя одушевленными актантами.) Глаголы *владути* / *володути*, *обладати* в роли предикатов конструкций, приписывающих ситуацию ее участнику как владельцу, в Нл.м.изв. не отмечены;

2) высказывания с глаголом *быти* и разными формами выражения субъекта посессивных отношений (55):

у + род.п. (1): *и нусть веселиа у них, нь печаль и смрадь великъ* (л.61 об.);

дат.п. (30): *О, много бяше пакости крестьяномъ* (л.189 об.); *не бысть крестьяномъ кровопролитья велика* (л.175 об.);

между (межи, межю, промежи) + тв.п. (9): *и бысть межи ими рать велика и усобица* (л.29 об.); *В то же время встань бысть въ Смоленську промежи княземъ Давыдомъ и смоляны* (л.118);

над + тв.п. (1): *Тогда бяше морь во Пьскову над людьми железю* (л.242 об.);

в + местн.п. (12): *Бысть котора зла в людех* (л.109 об.);

на + местн.п. (2): *В то же луто и зиму бу морь страшень в Новгороду на лодух* (л.248 об.).

Один и тот же смысл (ситуация, приписанная ее субъектам как посессорам) передается во всех перечисленных разновидностях по-разному.

Так, в предложениях с глаголом *имути* субъект как независимая субстанция (носитель предикативного признака) выступает в роли подлежащего. Несмотря на «псевдопереходность» глагола *имути* (Бенвенист 1974: 211), предикативный признак представлен как распространение отношения, исходящего от посессора, на объект обладания (в данном случае **ситуацию**), который трактуется как зависимая субстанция. Таким образом, в подобных конструкциях субъект (X) воспринимается как главенствующий член посессивных отношений.

Однако в посессивных конструкциях, содержащих в роли «объекта обладания» имя ситуации, семантическая активность или пассивность X-а зависит от типа имени ситуации, которое является **предикатным знаком**. По отношению к **включающему** предикату посессивной модели (*имути*) оно выступает **включенным** предикатом, в результате чего «возникает своего рода иерархия предикатов» (Богданов 1977: 77).

В предложениях *мертвиши бо срама не имут; аще ли побужнемъ, то срамъ имамъ* (л.40) субъекты включенного (*срамъ*) и включающего (*имути*) предикатов не совпадают. X (субъект основного предиката *имѣти*) является реципиентом в актантажной структуре предикатного имени *срамъ*: состояние человека явилось результатом внешней ситуации, в которой участвуют две стороны – та, которая осуждает, и та, которая воспринимает осуждение. Несмотря на то, что в предложении нет эксплицитно представленного агенса включенного предиката (*срамъ*), у грамматического субъекта основного действия все равно сохраняется семантическая функция реципиента. Таким образом, являясь грамматически главенствующим в синтаксической конструкции, субъект-посессор оказывается семантически зависимым членом ситуации.

Другой разновидностью являются конструкции, в которых включенный предикат представлен **двухагентным именем ситуации симметричного типа** (*любовь*): *Святополкъ же посла къ Борису, глаголя, яко ... с тобою хошу любовь имути* (л.75 об.). В подобных конструкциях один из субъектов включенного предиката совпадает с субъектом посессивной модели, поэтому в данном случае субъект-посессор (*Святополкъ*) остается главенствующим членом отношений и грамматически, и семантически.

Иная интерпретация посессивных отношений наблюдается в высказываниях с глаголом *быти*. В них, как отмечает А.В. Бондарко, «посессивность» передается «через бытийность» – как «наличие предмета обладания в сфере обладателя» (Бондарко 1996а: 100). В

рассматриваемой нами модификации посессивной модели (с именем ситуации в позиции Y) «через бытийность» передается ситуация, приписываемая субъекту-посессору: *Того же лута бысть мятежь в Татарех* (л.189); *и бысть межю ими [новгородцами] голка и мятежь и нелюбовь* (л.262) и под.

Все высказывания с глаголом *быти* примерно одинаковым способом представляют посессивные отношения, а именно: X (посессор) назван формами косвенных падежей с предлогом или без него, Y (объект обладания) – именительным падежом имени в утвердительных предложениях или родительным падежом в отрицательных: *божиею благодатью не бысть межю ими лиха* (л.212 об.-213).

Рассмотрим сначала высказывания с **предложно-падежными формами выражения субъекта**. Всем им генетически присуще локативное значение, поэтому эти словоформы очерчивают «пространство посессора», сферу его «притяжания». Однако это «пространство» (а, следовательно, и роль субъекта-посессора по отношению к объекту-ситуации) может быть представлено по-разному.

Так, словоформа *у + род.п.*: *и нусть веселиа у них, нь печаль и смрадъ великъ* (л.61 об.) характеризуется значением отвлеченной пространственной соотнесенности. Считают, что посессор, обозначенный словоформой *у + род.п.*, «не способен осознать действие, совершаемое над объектом-«частью», и, тем самым, никак не заинтересован в совершении этого действия» (Крейдлин, Рахилина 1983: 57-58). Отметим, что это наблюдение высказано о конструкциях с посессивными актантами, в которых посессор и обладаемое соотносятся как часть и целое. Однако сказанное вполне применимо и к анализируемым нами предикативным посессивным высказываниям с именем ситуации в позиции объекта обладания. Заслуживает особого внимания факт (и мы вернемся к нему), что в исследуемом нами тексте Н1л.м.изв. употреблена только одна конструкция с субъектом ситуации, обозначенным словоформой *у + род.п.*

Пространственное значение ощутимо и в такой форме обозначения субъекта, как *в + местн.п.* (12 контекстов): *О, велика скорбь бяше в людех и нужда* (л.111) и под. В этом случае посессор представлен как «вместилище», средоточие отношений. Речь идет о событиях или ситуациях, переживаемых коллективно, поэтому «посессор» дан обобщенно, как совокупность лиц, обладающая единой и замкнутой «сферой притяжания»: *не бысть пакости в людех, токмо с городка одного человека убиша* (л.237 об.); *Бысть котора зла в*

людех (л.109 об.). В таких высказываниях ситуация изображается локальной, отграниченной от внешнего мира, а субъект-посessor – полностью погруженным, вовлеченным в нее. Возможен эллипсис существительного, обозначающего реальный субъект ситуации, при этом название города воспринимается как метонимическая замена названия его жителей: *морь бысть в Новугороду железю* (л.253 об.).

В 9-ти предложениях субъекты ситуации выражены предложно-падежной формой *между (межю, межси, промежи) + тв.п.*, которая называет, как правило, двух субъектов-посессоров взаимонаправленных ситуаций и событий: *а коя будет обида межси нами, а в томъ шлем к тобу на съуздь* (л.213 об.); *и бу мирь межси ими и любовь* (л.74.) и под.

Поскольку в роли объекта обладания в данных контекстах выступают так называемые двухагентные имена ситуаций, постольку и сама ситуация изображается как ограниченная пространствами этих двух субъектов-посессоров, при этом оба субъекта представлены участвующими в ней в равной степени.

Единичны в Н1л.м.изв. случаи выражения субъекта-посессора словоформами *на + местн.п.*: *В то же луто и зиму бу морь страшень в Новугороду на людех* (л.248 об.); и *над + тв.п.*: *Тогда бяше морь во Пскову над людьми железю* (л.242 об.).

В этих предложениях ситуация массовой гибели от болезни представлена как не зависящая от субъекта. В основе такой трактовки лежит исконное локативное значение форм *на ком, над кем* «поверх, сверху; на верхней, внешней стороне», поэтому обозначенный такими формами посessor не способен контролировать то, что происходит в его зоне, так как это периферия сферы его притяжения.

Обобщим характеристику предложно-падежных форм обозначения субъекта-посессора. В отличие от предложений агентивной структуры, где обладатель всегда представлен как активно распространяющий посессивное отношение на ситуацию как «предмет собственности», в высказываниях с глаголом *быти* есть ряд семантико-синтаксических особенностей:

1) во всех рассмотренных модификациях посессивной модели с глаголом *быти* ситуация (объект «обладания») дана в синтаксически независимой позиции, поэтому она, а не субъект-посessor находится в фокусе внимания. При этом степень ее (ситуации) автономности или контролируемости субъектом различна и зависит от того, как очерчено «пространство посессора» посредством той или иной предложно-падежной формы;

2) «пространство посессора» предстает по-разному актуализованным по признаку центр / периферия (с этим соотносится степень активности субъекта по отношению к ситуации); в исследуемом летописном тексте преобладают предложно-падежные формы, обозначающие замкнутость, локализованность «сферы притяжения» коллективного посессора (*в + местн.п.*) или двух равно активных посессоров (*между + тв.п.*), в этих случаях субъекты-посессоры полностью вовлечены в ситуацию; единичны высказывания, в которых субъект изображен неактивным, неспособным контролировать ситуацию (*на + местн.п. и над + тв.п.*);

3) во всех анализируемых контекстах присутствует исключительно **коллективный** субъект ситуаций, что свойственно высказываниям не только с глаголом *быти*, но и с любым другим предикатом. Это, вероятно, обусловлено спецификой летописного нарратива: в нем редко фиксируется жизнь индивида, гораздо чаще отражается жизнь сообществ – этносов, племен, жителей городов и т.п.

Рассмотренные нами предложно-падежные формы не являются главным и единственным средством представления посессора. Из 55-ти высказываний с глаголом *быти*, выявленных в Н1л.мл.изв., в 30-ти субъект обозначен **беспредложным дательным падежом**: *И бысть тои осени Ляхом и Литву 3 побоища с Нумци* (л.244); *не бысть крестьяномъ кровопролитья велика* (л.175 об); *прииде князь Михаило..., пожьже город всь, и бысть пагуба велика крестияномъ* (л.222 об.). Естественно, что именно эта форма выражения субъекта-посессора особенно интересует нас с точки зрения специфики ее грамматической семантики, или ее интерпретационного компонента.

Беспредложный дательный с посессивным значением привлекал внимание многих исследователей (Бабина 1988; Капорулина 1960; Правдин 1957 и др.). А.Б. Правдин, изучая беспредложный дательный в древнерусском языке, назвал одну из его разновидностей «дательный заинтересованного лица» (Правдин 1957: 108). Во многих работах современных лингвистов сема «заинтересованность» считается «конституирующим семантическим элементом» посессивного дательного (Крейдлин, Рахилина 1983: 57). Т.П. Бабина отмечает, что во всех частных значениях дательного падежа присутствует значение целевой направленности, а высказывания с ним «передают модальное значение отношения субъекта речи к факту посессивности» (Бабина 1988: 46). Эти замечания очень существенны для интерпретации нашего материала. Действительно, в высказываниях, которые мы рассматриваем, события-ситуации поданы не отчужденными от субъекта-посессора, а непосредственно затрагивающими его интересы.

При этом сема «заинтересованность» характеризует не только семантику формы выражения субъекта ситуации: *Прислаша Нумци послы своя, ... глаголюще: намъ с вами миръ* (л.180 об.), но и – опосредованно – проявляется в отношении летописца к объекту речи: *...и не добыша люди хлѣба, и бысть дороговъ велика, и туга велика и печаль людемъ* (л.192 об.). Отношение летописца передано, прежде всего, самим оценочно-характеризующим именем ситуации (типа *туга, печаль, радость* и под.), однако, обозначая субъект именно формой дательного падежа (ср.: *людемъ, а не у людей или в людехъ, на людехъ*), летописец тем самым усиливает особую, «сострадательную» модальность своей речи. Таким образом, активное употребление в летописи беспредложного дательного для обозначения субъекта-посессора ситуации следует, вероятно, объяснять коммуникативно-целевыми установками летописца.

Итак, охарактеризовав специфическое семантическое содержание каждой формы выражения субъекта в синонимичных (с точки зрения смысловой основы) высказываниях, перейдем к проблеме их интенциональности, сделав «особый акцент на вопросах: для чего говорящий употребляет данную форму? что он хочет выразить?» (Бондарко 2002: 143).

Интенциональность рассматривают как способность грамматической формы выступать в таком употреблении, при котором выражаемое ею значение участвует в реализации намерений говорящего (Там же: 152). Анализ контекстов показывает, что абсолютное большинство рассматриваемых нами высказываний реализует «интенциональную способность» форм выражения субъекта-посессора, поскольку в них актуализован «определенный элемент передаваемого смысла» (Там же: 155), и эта актуализация вызвана позицией автора летописного повествования.

Особенно ярко, на наш взгляд, это проявляется в употреблении беспредложного дательного при обозначении субъекта-посессора. В большинстве случаев он использован в описании ситуаций, происходящих с новгородцами, от которых, естественно, летописец себя не отделяет, отсюда и актуализация в подобных конструкциях семы «заинтересованность»: *...и вси посадники и тысячкы и бояру и весь великым Новъград благословение своего господина отца владыку Ивана принялу, а от псковичъ нелюбье отложилу, и взяша миръ по старину, ... занеже не бяше миру по 4 годы, и бысть крестияномъ радость и веселье...(л.234 об.); *...и посадник и тысячкы и весь Новъгород... начаша переливати старыи денги, а новыи ковати в ту**

же муру... и бысть хрiстьяном скорбь велика и убытокъ в горoду и по волостемъ, да и сие не забыто будетъ в послѣднихъ родехъ (л.264) и под.

При этом сема «заинтересованность» может характеризовать то семантику отношения летописца к объекту речи (новгородцам), то семантику отношения субъекта-посессора к ситуации. В первом случае ситуация, как правило, обозначена оценочно – с точки зрения ее положительного или отрицательного воздействия на жизнь субъекта: *пагуба, буда, добро, обида, пакость, туга, печаль, радость, скорбь* и подобные. Оценка, как и вся модальность высказывания, явно демонстрирует сочувствие и сопричастность летописца судьбе своих сограждан: *А в Новогороду хлѣбъ дорогъ бысть, не толко сего единого году, но всю десять лѣтъ; по двѣ коробыи на полтину, иногда боле мало, иногда мѣнши, иногда нуду купить; и бысть скорбь и туга хрiстьяномъ велики, толко слышать плачь и рыданье по торгу; и мнозу от глада падающе умираху, дѣти пред родители своими, отци и матери пред дѣтьми своими; и много разидошася...* (л.262).

Во втором же случае сема «заинтересованность» характеризует отношение субъекта-посессора к ситуации, поскольку эта ситуация инициирована самим субъектом: *Прислаша Нумци послы своя..., глаголюще: намъ с вами миръ»* (л.180 об.); *бысть побоище королю Ягаилу с Нумци* (л.244); *И бысть тои осени Ляхом и Литву 3 побоища с Нумци* (л.244).

Контекстов первого типа гораздо больше – около 70% от всего количества употреблений беспредложного дательного со значением субъекта-посессора ситуации. Безусловно, в этом проявляется «речевая воля говорящего» – его стремление выразить свое отношение к происходящим событиям и к их участникам, но не к любым участникам, а к согражданам, к новгородцам. Актуализация летописцем такой модальности, реализующей оппозицию «свой / чужой», становится особенно очевидной, когда мы обращаемся к единственному в летописи контексту, где субъект выражен словоформой **у + род.п.** (Мы уже приводили мнение исследователей о том, что субъект, обозначенный формой **у + род.п.**, «не способен осознать действие, совершаемое над объектом-«частью», и, тем самым, никак не заинтересован в совершении этого действия»). Интересно, что эта форма представления субъекта ситуации применена в легенде об «испытании вер» князем Владимиром и отражает неприятие русичами религиозного обряда болгар-мусульман: *...приходихом прѣвѣе к Болгаромъ и смотрихомъ, како ся кланяють в ропату, стояще бес пояса, и поклонивъся, сядеть и глядит сумо и*

овамо, акы бушень, и нусть веселиа у них, нь печаль и смрадь великъ, и нусть добръ законъ их (л.61).

В данной форме обозначения субъекта (*y + род.п.*) актуализован признак пассивности посессора. Субъект-посессор изображен летописцем как участник ситуации, в ней не заинтересованный и потому от нее отчужденный. Выбор этой формы обусловлен еще и тем, что, в отличие от беспредложного дательного, она отражает отношение летописца к объекту речи как к «чужому», и, как свидетельствует контекст, отношение это явно негативное.

Итак, обобщив все сказанное, можно констатировать: специфика грамматической семантики анализируемых форм (т.е. их интерпретационный компонент) помогает выразить «актуальность, существенность для говорящего того представления (в человеческом сознании и его языковом воплощении), которое лежит в основе данного значения» (Бондарко 2002: 152). В частности, в рассмотренной нами разновидности посессивных высказываний с глаголом *быти* обнаружилось, что с помощью языковых форм выражения субъекта летописец демонстрирует значимость таких характеристик посессивного отношения, как активность / пассивность субъекта-посессора, контролируемость / неконтролируемость им ситуации. Кроме того, форма обозначения субъекта выявляет релевантность для летописца оппозиции «свой / чужой» по отношению к участникам ситуации, что окрашивает особой модальностью все летописное повествование. Таких «семантических добавок» к основному смыслу высказывания нет в предложениях субъектно-предикатного типа с глаголом *имути*. Все это, безусловно, сказывается на выборе летописцем того или иного типа предложения: в Н1л.мл.изв. предикативных высказываний с глаголом *быти* в 17 раз больше, чем с глаголом *имути*.

Мы анализируем древний «готовый текст», и намерения его автора «вычитываются» нами лишь из языковой оболочки этого текста. Однако внимание к особенностям грамматической семантики языковых форм, по-разному передающих один и тот же смысл (в нашем случае – приписывание ситуации ее участникам как посессорам), помогает понять, какие элементы выражаемого смысла были актуальны для пишущего, а следовательно, помогает приблизиться к воссозданию того образа внеязыковой действительности, который запечатлен нашими предками в древнерусских текстах.

Библиографический список

с условными сокращениями

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. М., 1998.
- Бабина Т.П.* Субъект посессивности и способы его выражения / Т.П. Бабина // Идеографические аспекты русской грамматики. М.: Изд-во МГУ. 1988.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. М., 1974.
- Богданов В.В.* Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
- Бондарко А.В.* Вступительные замечания к главе «Посессивность» / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб, 1996а. С. 99-100.
- Бондарко А.В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А.В. Бондарко. СПб: Изд-во СПбГУ, 1996в.
- Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / А.В. Бондарко. М., 2002.
- Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков / В.Г. Гак. М., 1977.
- Капорулина Л.В.* Приименное употребление падежей в Лаврентьевском списке русской летописи: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л.В. Капорулина. Л., 1960.
- Категория посессивности – Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.
- Крейдлин Г.Е. и др.* Сопоставительный анализ способов выражения отношения принадлежности в русском языке (падежная и предложно-падежная формы) / Г.Е. Крейдлин, Е.В. Рахилина // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. М., 1983. С. 57-58.
- Логунова Н.В.* К вопросу о генезисе древнеславянских конструкций с глаголом имути / Н.В. Логунова // Материалы XXXI всероссийской научно-метод. конференции преподавателей и аспирантов. СПб., 2002а. Вып. 3. Ч. I. С. 41-45.
- Логунова Н.В.* Особенности употребления глагола имути в древнерусском языке (опыт вероятностно-статистического анализа) / Н.В. Логунова // Филологические науки. 2002в, №3. С. 105-112.
- Логунова Н.В.* К истории освоения конструкций с глаголом имути древнерусским языком / Н.В. Логунова // Филологические заметки: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь; Люблина: Перм. гос. уни-т, 2004. Вып. 3. Ч. I. С. 202-208.
- Новгородская I летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. III.
- Правдин А.Б.* К вопросу о праславянских значениях дательного падежа / А.Б. Правдин // Вопросы языкознания. 1957. № 6. С. 81-83.
- ТФГ 1996. – Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб, 1996.
- Чинчлей К.Г.* Типология категории посессивности / К.Г. Чинчлей. Кишинев, 1990.